

Мат Москве и Парижу

поставил на сценах двух столиц Михаил Волохов

В Московском театре имени Моссовета идет спектакль по пьесе Михаила Волохова «Игра в жмурики» (режиссер А. Житинкин). Артисты говорят матом. Билет в театр стоит тысячу рр. Кроме России, спектакли по пьесе Волохова идут — и с успехом — в Париже.

Патриарх советской драматургии Григорий Горин сказал, что Волохов — свободный человек. А свободный человек не оглядывается ни на цензуру, ни на догмы драматургии...

А грязный мат, который использует Волохов в пьесах, знатоки жизни сравнивают со строительным материалом. На юге из навоза веками делали саман (глиняные кирпичики). Из самана строили дома, в которых тепло зимой и прохладно летом. Чтоб саман не пованивал, вешают внутри дома душистую травку... И никому в голову не идет, что жили в дерьме...

— Я родился в 55-м году, — рассказывает Волохов. — По гороскопу — мистическая коза. Отец — еврей. Мать — русская. Бабушка руководила районной баптистской сектой. Детство мое прошло под Тулой. Потом мама попала в катастрофу, и мы лечили ее в Чимкенте. Там у меня были номенклатурные родственники. Жили в обкомовском доме. Я увидел бандитов, которые делали, что хотели, и их не сажали.

Затем учился в МВТУ имени Баумана.

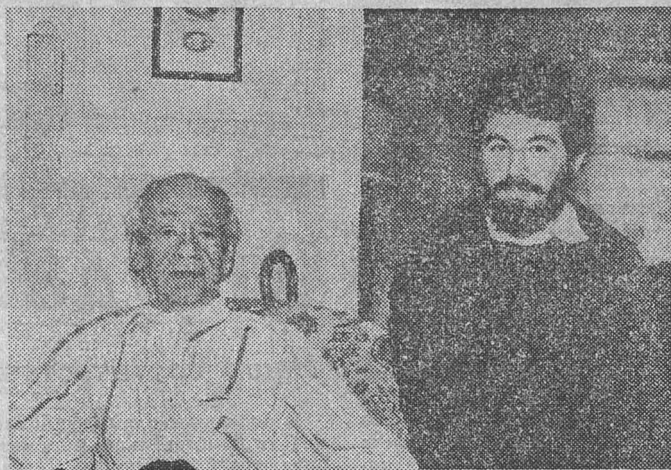
На третьем курсе стал читать философов и писать.

Начал с романов. Написал свой первый роман, а мама решила, что я спятил. Я месяц провел в Институте психиатрии. Но там сказали, что с психикой все нормально, более того, повышенный у меня интеллектуальный уровень.

После окончания вуза работал на заводе, писал пьесы.

Собель, директор Национального театра в Париже, ученик Брехта, поставил мою пьесу «Игра в жмурики».

Он вставил пьесу в шекспировскую структуру. В то же время нашел все современные атрибуты. Моя жена Шанталь сделала подстрочник, переводя по странице в день.

Приятно посидеть с Эженом Ионеско. Особенно в Париже.

Потом французский философ — адаптация.

— Как вы познакомились с будущей женой?

— В Москве, у книжного киоска. Мы попросили дать посмотреть одну и ту же книжку. Через два дня я предложил ей бракосочетаться. Буквально за два дня до рождения моей дочери Марии мне удалось тоже приехать в Париж. 1987 год...

— У вас были встречи с представителями госбезопасности?

— Да. Но я им дал понять, что я безопасный человек. А когда приехал во Францию, сразу написал пьесу.

Я жил в доме родителей Шанталь, на берегу океана, где самые высокие дюны в Европе...

— Как вы пишете?

— Очень быстро. Но готовиться могу год. А потом в день выдать 40 страниц. Я использую и чужие сюжеты, характеры. Но и Шекспир писал «Ромео и Джульетту» уже по готовой канве.

Произведение считается оригинальным, если у тебя своя мотивизация характеров. Действие моих пьес происходит в России, где люди системой превращены в потенциальных убийц... И, что называется, поднеси спичку — и это вспыхнет. Но засилье рождает насилие. И лучше предупредить болезнь... словом.

— Почему же вы боретесь с помощью мата?

— Мат — это самое сильное слово. Концентрированная энергия, которая выходит из человека. После чего человек очищается. Это процесс изгнания дьявола словом. Есть вещи, которые не скажешь по-другому. Без мата не понять сути жизни. Как без секса любви.

— Россию сейчас разрывает... И выливается лава мата...

— Это ощущают лучше всего эмигранты. В России они испытывают антисемитизм. Презирают, например, в Израиль. Ощущают антирусизм. Этот антирусизм в Израиле страшнее, чем в Москве. Израиль для некоторых оказывается хуже концлагеря. Моя сестра рассказала такой случай: если в Израиле не говоришь на иврите, тебе в аптеке не дадут лекарство. Этот эпизод вошел в мою пьесу.

— Почему такие крайние формы принимают антисемитизм и русофобия?

— Потому что это две сильные нации. Русские в очень большой беде. И евреи — в беде. Причем евреи проходят через русский беду со своей. Хотя русский человек не националист. Русский человек широк. Но на переломах истории на евреев выливают бранную энергию. Евреи становятся козлами отпущения.

Уезжая из России, начина-

ешь ее любить. В России человек закабален экономическими проблемами. На Западе, если у тебя проблемы и есть, понимаешь, что не Россия тебя наказывает.

— Живя в России, вы «подпытывались» изнутри... Там — на Западе — может быть, ваши батарейки уже подсели? А оттуда — с Запада — идут ваши пьесы?..

— Это проблема слабых писателей, которые играют на политических перепадах. Последняя моя пьеса написана в живом эмигрантском времени. Многие писатели действительно пишут во времени мертвом. А у меня на доме параболическая антенна. Туда залетают русские слова, люди...

— Как вы относитесь к популярности Лимонова, он первым употребил «ненормативную речь»?

— Лимонов хочет драки. Но кровь дает кровь. Это бессмысленно. Или — это реклама. Творчески он себя исчерпал. А политика сейчас приносит деньги. Лимонов возник как противовес серому диссидентству. Но так на этом уровне он и остался. «Это я — Эдичка!» — крик души. Но остальные вещи сделанные. «Отрасти бороду — и поезжай в глубинку, — сказал ему я. — Чего писателю кричать!..» Писатель должен решать проблему добром.

— Почему независимая московская пресса на вас обрушилась?

— Андрей Караулов еще работает в «Независимой». А он — зять Шatroва. А у Шatroва есть ученики, которые видят во мне конкурента.

— Как вы относитесь к женской драматургии?

— Петрушевскую в свое время поддерживали Ефремов, Арбузов. Это был период бабьей драматургии. Драмографов мужиков сажали, убивали. А бабью драматургию можно было пропустить. Это как бабья правда... На Западе бабьих имен нет. Есть Шекспир, Чехов, Олби, Ионеско...

В России есть равнозначные имена: Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам. Я не хочу никак унижать Петрушевскую. Ее рас-

сказы очаровательны. Но она не может убить мужской дьяволизм, который присущ драматургии. А без этого нет настоящей пьесы. Женщина в негодовании не может найти добра на противоположном полюсе. Идет женский ор... Если женщина мстит, то до конца. Ведь распяли Христа — мужчину...

— Вы на кресте женщину не видите?

— Я не могу допустить этого. Женщина должна писать стихи, рассказы. Светлана Алексиевич написала сильную вещь, но по мужским дневникам и письмам. И получился сильный женский роман.

Но в брежневский период женская драматургия сыграла свою роль. Сейчас женщины сходят со сцены. Жизнь приобретает более крутые формы. Самое грустное в искусстве — это писатель-генерал. Или писательница-генеральша. На Западе не премия главное. Главное — пробиться.

— ?

— Чтобы моя пьеса была поставлена в Национальном театре, директору потребовалось полтора миллиона. Он пошел на риск. Выиграл. На этом успехе он может получить новые субсидии.

— У нас по-другому?

— У нас еще держатся брежневская «мафия», брежневские структуры, старые отношения. Непонятно, чья власть в театре: режиссера или драматурга. Живому режиссеру драматург очень неохотно отдает власть.

— Как же ваша пьеса пробились у нас?

— Главный редактор журнала «Современная драматургия» подписал в пятый номер мою пьесу и ушел в отпуск. А в августе 91-го г. некий человек сорвал печать, рассыпал набор, мою пьесу заменил другой.

Но я обиды не таю. Сейчас надо многое прощать...

Как говорится, мы все виновны за смерть Сократа. С таким сознанием надо жить.

Не так давно в Москве вышли мои пьесы отдельной книгой.

Григорий РЕЗАНОВ,
Татьяна ХОРОШИЛОВА.